

УДК 81'(23+27)

Научная статья

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ АГРЕССИИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ФОРМЫ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ В ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Бубнова Ирина Александровна

Государственное автономное образовательное учреждение города Москвы
«Московский городской педагогический университет»,
Москва, Россия

Аннотация

Целью статьи является обоснование применения психолингвистического подхода к исследованию *речевой агрессии* в публичной дипломатии XXI века – явления, пока остающегося практически вне фокуса внимания в лингвистике. Приводятся аргументы в пользу того, что изучение данного феномена в настоящее время является одной из наиболее актуальных научных задач. Основываясь на методологических принципах общепсихологической теории деятельности, автор определяет *речевую агрессию* как специфический подтип общения, нацеленный на рассогласование социальной деятельности между людьми, связанными определенным образом в психологическом отношении. Доказывается, что смысл речевой агрессии как совершенно нового явления в дипломатическом дискурсе, проявляющегося во внешних характеристиках речевых произведений, определяется скрытыми ведущими мотивами деятельности говорящих, которые обусловлены новой универсальной идеологией, отражающей общую ситуацию в мире и тенденции его развития. Анализируется потенциал психолингвистических методик, которые не просто позволяют фиксировать внутреннее содержание агрессивных текстов, их координаты в семантическом пространстве, но и оценивать глубину их воздействия на сознание адресата, прежде всего, сознание обычных людей, а также устанавливать специфику интерпретаций намерений авторов и задаваемой текстами программы деятельности разными группами реципиентов. Обсуждается возможность применения комплексных методов исследования речевой агрессии в публичном дипломатическом дискурсе, включающих как чисто психолингвистические методики, так и методики, используемые в других областях лингвистики. Демонстрируется, что

психолингвистический подход в исследовании речевой агрессии в дипломатии позволяет решать целый ряд задач, связанных с раскрытием механизмов управления массовым сознанием в глобальном масштабе.

Ключевые слова: психолингвистический подход, речевая агрессия, дипломатический дискурс XXI века, мотивы, смысл агрессии, новая идеология, методы исследования

Введение

Определяющей чертой XXI века – века цифровых технологий и виртуализации окружающей реальности – является совершенно новая система правил языка и культуры, повлекшая за собой и смену традиционных моделей коммуникации, родившихся в результате полностью изменившихся условий существования человечества. Именно этот последний фактор, если помнить известный тезис Гегеля “Reden sind Handlungen unter Menschen” [Hegel 1840: 55], определил (в самом широком смысле этого слова) сегодняшние правила коллективной деятельности, которые отражают не какие-то частные перемены, затронувшие ту или иную отдельную сферу, а кардинально иной тип взаимодействия людей как членов принципиально другого вида общества, т.к. сам процесс общения, специфика его организации, не может рассматриваться «вне всякой связи с характером общественных отношений, в отрыве от качественного социального содержания форм общения» [Буева 1968: 113–114].

Трансформация общественных отношений в глобальном масштабе отразилась не только на характере общения в массовой коммуникации, межличностном и групповом взаимодействии, но затронула и самые консервативные типы дискурсов, подчинявшиеся складывавшимся веками непреложным нормам, нарушение которых считалось невозможным. Прежде всего это касается дипломатического дискурса, отличавшегося с момента возникновения традиций, а впоследствии – законов, регулирующих контакты между государствами и их официальными представителями, выдержанностью и скрупулезностью в формулировках, особым языком, понятным лишь профессионалам, внешне непредвзятым, лишенным эмоций, поведением [Бубнова, Терентий 2012]. Однако на современном этапе эти принципы все чаще игнорируются, а высказывания дипломатических служащих самого высокого ранга в публичном пространстве даже в ходе официальных мероприятий отличаются некорректностью, категоричностью, эксплицитными обвинениями в адрес оппонентов.

Наблюдаемые процессы, совершенно нетипичные для классической

дипломатии, прежде всего высокий уровень агрессии, ставший характерной чертой данного типа дискурса, с точки зрения психолингвистики кажутся весьма значимыми и достойными самого тщательного анализа в силу целого ряда причин. Во-первых, изменение общей риторики, нормализация лексики угроз как внешнего возможного способа достижения поставленной цели, если рассматривать это явление с позиций теории деятельности, свидетельствует о смене ведущих мотивов публичной дипломатической коммуникации, и, следовательно, о идущей в настоящий момент перестройке всей системы международных отношений, поэтому исследование агрессии в таком ракурсе представляется одним из ключевых вопросов, решение которого имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Не менее важным фактором является то, что агрессивная лексика – это лексика, характерная для правого популизма, доминирующего сегодня в современном политическом поле в самых разных странах Европы и Северной Америки [Водак 2018], следовательно, ее постоянное появление в дискурсе публичной дипломатии отражает некие убеждения, новую универсальную идеологию, определяющую общую ситуацию в мире и тенденции его развития. Выявление, анализ и понимание ее содержания, изучение имплицитных основ речевой агрессии, их языковых характеристик, сравнение стратегий и тактик агрессивного речевого поведения в публичном дипломатическом дискурсе и других типах дискурсивных практик, на наш взгляд, также является весьма актуальной задачей, решение которой позволяет вскрыть многие недоступные внешнему наблюдению механизмы управления массовым сознанием в глобальном масштабе.

Все вышесказанное позволяет предполагать, что изучение закономерностей проявления феномена агрессии как характерного для новейшей истории компонента дипломатической коммуникации оказывается крайне перспективным направлением лингвистических исследований, и, прежде всего, это касается отечественной психолингвистики, концептуальная система которой, как подчеркивает А.А. Леонтьев, принципиально открыта, что «создает возможность расширять и углублять ее проблематику, не производя коренной “ломки” уже сделанного» [Леонтьев 2007: 19]. Таким образом, **основная цель** нашей работы заключается в обосновании применения принципов теории речевой деятельности и постулатов общей теории деятельности для анализа агрессивного речевого поведения представителей дипломатического корпуса.

Обзор литературы

Следует отметить, что традиционно агрессия изучается в рамках философии, социологии и психологии, причем подходы к ней в этих научных сферах в значительной степени пересекаются, взаимодополняя друг друга.

С позиций социально-философского знания те или иные проявления

агрессивного поведения связываются с доминирующими в обществе социокультурными ценностями, которые, вступая в непримиримые противоречия с индивидуальной системой ценностных ориентаций, часто являются причиной разрушения последних. Именно этим обстоятельством, как полагают исследователи, обусловлена утрата отдельным человеком чувства стабильности и смысла [Дюркгейм 1994], осознание личностью невозможности реализации своих целей социально приемлемыми способами [Мертон 2006; Сорокин, Мертон 2004], что и порождает деструктивное и агрессивное поведение. Данная линия исследования, фокусирующаяся на связи различных поведенческих отклонений с проблемами, поразившими современное общество, углублением духовного кризиса, появлением нового антропологического типа «человека-потребителя» [Маркузе 2009], остается доминирующей и в настоящее время [Афанасьев 1995; Стризов 1999 и др.], дополняясь многочисленными работами, направленными на изучение специфических форм агрессии и насилия, в частности экстремизма, который непосредственно связывается с современными формами социальной жизни и современной культурой [Киреев 2005; Кугай 2000 и др.].

В зарубежной психологии – психоанализе, психокультурном фрейдизме, бихевиоризме, экзистенциальной психологии и т.д. – объектом внимания с самого начала стал широкий спектр вопросов, касающихся разных сторон данного поведенческого феномена: целей агрессии, ее связей с эмоциональным состоянием личности [Bandura 1973; Carver, Ganellen, Froming, & Chambers 1983], роли когнитивных процессов и научения в продуцировании агрессии [Berkowitz 1990; Bandura 1975; Miller, Dinitz, & Conrad 1982; Liebert, & Sprafkin 1988; Carlson, Marcus-Newhall, & Miller 1990; Taylor, O’Neal, Langley, & Butcher 1991], биологических механизмов, лежащих в основе деструктивной деятельности [Freud 1920; Лоренц 2017; Кречмер 2015], социальных источников, способствующих развитию склонности к насилию [Bandura 1973; Bach, et al 1974] и т.д.

В отличие от западной, в советской психологии человеческая агрессия как особая проблема не выделялась. Причина этого кроется, с одной стороны, в идеологии, доминировавшей в СССР, а с другой – в специфике подхода к личности, развиваемом в отечественной науке в XX веке, с позиции которого содержание психики отдельного представителя человеческого сообщества рассматривалось как интеграция истории развития психического у всего рода, повторяющейся в личной истории индивида, включающей в себя в качестве неотъемлемой части процесс социализации [Ананьев 1977]. Иными словами, вопросы формирования и развития личности осмыслялись

с точки зрения неразрывного единства биологических и культурных процессов [Выготский 2004; Леонтьев 1965; Рубинштейн 1997 и др.], тесно взаимосвязанных с историей формирования и развития всего человечества, его культурным наследием и тенденциями развития вселенной [Ананьев 1977].

Как подчеркивает А.Н. Леонтьев, последний фактор, т.е. «проблема развития человека в связи с развитием культуры общества» [Леонтьев 1965: 410], привлекает особое внимание в связи с кажущимся несуществующим единством населения нашей планеты, обусловленным в реальности не биологическими различиями, а уровнем развития духовных сил и способностей, непосредственно связанным с усвоением всего накопленного культурного богатства, или, напротив, с расслоением культуры, отчуждением ее от человека. Именно это обстоятельство в итоге определяет «разрыв, с одной стороны, между величайшими способностями, развитыми человечеством, а с другой – той бедностью и односторонностью развития, которая, хотя и в разной степени, составляет удел конкретных людей» [Леонтьев 1965: 418]. Иначе говоря, по мнению автора, предопределяют и детерминируют процессы развития отдельного индивида и всего общества различные социальные структуры, социум, несущий ответственность за специально организованный процесс воспитания и образования.

Такой акцент на роли социальных факторов, определяющих бытие человека, его отношение к миру, порождающее в определенных условиях внутренние противоречия, борьбу мотивов, влекущую за собой особенности характера личности, полностью соответствовал основным положениям культурно-исторической теории Л.С. Выготского [Выготский 2004] и доминировал в отечественной психологии в XX веке. Эти же идеи в значительной степени определяют и современный подход к анализу специфических черт индивидуальной жизнедеятельности в работах российских психологов, рассматривающих девиантное, в том числе агрессивное, поведение как результат накопления внутреннего эмоционального напряжения, связанного, прежде всего, с современными социальными условиями жизни [Клейберг 2008; Лысак 1999 и др.].

В начале нового столетия феномен агрессии попал и в фокус интереса коммуникативной лингвистики, где стал использоваться термин *речевая агрессия*, фиксирующий лингвистический характер изучаемого явления и подчеркивающий его сущность, которая заключается в предпочтении говорящими определенных стратегий и тактик, отвечающих поставленным целям и обуславливающих дальнейший отбор языковых средств. Сама агрессия в данном направлении определяется как особый тип «речевого

поведения, в основе которого лежит преднамеренная деформация адресантом коммуникативного пространства адресата» [Воронцова 2006: 84], «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [Седов 2003: 113], либо «все типы негативного или критического отношения говорящего к адресату, выраженные при помощи языковых средств» [Апресян 2003: 32].

Таким образом, проведенный аналитический обзор позволяет утверждать, что агрессия уже давно оказалась в сфере интересов гуманитарной науки. При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на высокий интерес к феномену агрессии в разных сферах гуманитарного знания, с позиций психолингвистики он практически не изучался, хотя именно методология, лежащая в основе отечественной теории речевой деятельности, позволяет интерпретировать агрессию как одну из форм социопсихолингвистически значимой формы речевого общения и исследовать ее в рамках психолингвистической парадигмы, используя в этом процессе данные, полученные в других областях науки.

В этом отношении наиболее значимыми для психолингвистического подхода к феномену агрессии в публичном дипломатическом дискурсе выводами, сделанными в ходе ее изучения в рамках философии, социологии, психологии, оказываются:

– психологическое определение агрессии как действия с целью нарушения физической или психической целостности другого человека, нанесения ему материального ущерба, препятствия осуществлению его намерений [Хекхаузен 2003], попытки оскорбить или причинить вред реципиенту [Бэрн, Ричардсон 2001];

– выделенные в психологии цели такого типа поведения людей, «которые могут быть для них более важными, чем желание нанести ущерб своим жертвам: **желание влиять на ситуацию, осуществлять власть над другой личностью или сформировать благоприятную (предпочитаемую) идентичность.** <...> Агрессоры могут стремиться добиться своего или **утвердить свою власть с тем, чтобы повысить чувство собственной ценности**» [Берковиц 2001: 29] [выделено нами – И.Б.];

– объяснение жестокости и деструктивности, предложенное Э. Фроммом, истоки которых, по его мнению, кроются не в разрушительных инстинктах, унаследованных Homo sapiens от животных, а именно в социокультурных факторах, детерминирующих поведение человека [Фромм 1994];

– доказанное в отечественной психологии положение о зависимости эволюционирования и, соответственно, форм поведения человека от тенденций

развития всего человечества, от уровня зрелости духовных сил и способностей представителей каждой нации и этноса, от процесса отчуждения культуры от индивида, а также положение об определяющей роли характера общественных отношений, обуславливающих социальное содержание форм общения.

Концепция и методы исследования

С позиции общепсихологической теории деятельности общение представляет собой процесс установления и поддержания целенаправленного контакта между людьми (прямого либо опосредованного), позволяющего изменять протекание совместной деятельности за счет согласования/рассогласования либо осуществлять целенаправленное воздействие на группу людей/личность или их/ее непосредственное поведение в процессе социально-ориентированной деятельности [Леонтьев: 63].

Полностью разделяя данную точку зрения, подчеркнем, что одним из наиболее эффективных намеренных способов разрушения контакта и, одновременно, воздействия на собеседника, является именно агрессия, которая, следовательно, может определяться как специфический подтип общения, нацеленный на рассогласование социальной деятельности между людьми, связанными определенным образом в психологическом отношении.

Агрессия в психолингвистической парадигме, как представляется, должна определяться и изучаться именно как *речевая агрессия*, так как данный термин абсолютно отвечает общим методологическим принципам этой сферы научного знания: он отражает не только изначальный фокус психолингвистических исследований на речевой деятельности, но и саму структуру деятельности говорящего, ее связь со структурой сознания (деятельность – мотив, действие – цель, операция – задачи и условия), что предопределяет и одновременно ограничивает выбор языковых средств на каждом этапе коммуникации не только общим мотивом адресанта, его промежуточными целями, тактическими задачами и условиями протекания общения, но и системой правил, принятых в определенном социуме или в мировом сообществе.

Выше уже упоминалось, что речевая агрессия в публичном дипломатическом дискурсе XXI века является совершенно новым феноменом, специфика которого, по нашему мнению, проявляется и раскрывается непосредственно во внешних характеристиках речевых произведений, а его смысл определяется скрытыми ведущими мотивами деятельности дипломатических служащих.

Если говорить о внешних проявлениях, т.е. о характерных чертах современной дипломатической речи, то необходимо выделить следующее.

Традиционная дипломатическая речь всегда отличалась признаками,

свойственными классической риторике, сформулированными еще Аристотелем [Аристотель 2000]. Иначе говоря, любая речь дипломата предполагала тщательное планирование всей коммуникативной ситуации, выбор речевых стратегий, соответствующих общей цели, отбор подходящих для данной аудитории методов убеждения и приёмов удержания ее внимания, прогнозирование реакции адресата на каждом этапе общения, а также, что важно в контексте нашего исследования, неуклонное следование принципам эффективного ведения диалога, основанным на теории аргументации [Головина 2019: 206].

Сознательный отказ современного дипломата от стратегии вежливости в совокупности с практически полным отсутствием аргументации ведет к полному искажению классических методов убеждения. Сегодня эти методы неразрывно связаны с речевой агрессией, в результате чего: а) это определяется уже не нравственностью говорящего, а его агрессией, служащей инструментом понижения авторитета оппонента и повышения собственного, что помогает укрепить позицию адресанта; б) логос выражен лишь внешне, а глубинной его основой являются манипулятивные стратегии и тактики, позволяющие приводить аргументы, которые безупречны на первый взгляд, однако разрушаются в ходе анализа; в) пафос проявляется, прежде всего, в эмоциональном заражении и внушении определенных идей.

Что касается внутренних причин появления речевой агрессии, мотивов, обуславливающих такое поведение дипломата, то их раскрытие требует более подробного рассмотрения базовых составляющих данного действия.

Традиционно в речевом действии, содержащем агрессию, выделяют несколько компонентов: интенцию, цель, средства её достижения и результат, представленный в виде самого речевого произведения [Голев 2002].

Однако очевидно, что в дипломатическом дискурсе речевая агрессия как специфическое речевое действие, несмотря на наличие всех вышеперечисленных компонентов, качественно отличается по ряду характеристик, а именно:

- 1) всегда имеет косвенный характер и направлена не на оппонента, а на государство в целом;
- 2) выражается, в отличие от дипломатии традиционной, чаще всего эсплицитно;
- 3) относясь по своему типу к инструментальным, ориентирована, прежде всего, на создание определенного эффекта, причем этот эффект должен распространиться на возможно более широкую аудиторию.

Иначе говоря, речевое произведение является лишь одной из составляющих агрессии, но не ее запланированным результатом, который в данном случае

может быть комплексным и включать в себя стремление повлиять на ситуацию, одновременно демонстрируя свою власть, формирование определенной идентичности и конструирование нужного видения реальности, прежде всего, в сознании массовой аудитории.

С другой стороны, именно языковая организация высказывания, опирающаяся на знание психологических механизмов воздействия, обеспечивает усвоение и запоминание транслируемых взглядов, следовательно, специфика данной структуры не может игнорироваться, причем ее изучение требует использования целого ряда психолингвистических методик, прежде всего тех, которые непосредственно связаны с оценкой степени эффективности целенаправленного речевого воздействия – той цели, которой подчинен, как мы попытались это доказать, современный публичный дипломатический дискурс.

Мы полагаем, что в ходе таких исследований востребованными могут оказаться уже получившие признание и доказавшие свою продуктивность (причем не только в психолингвистике) методики, позволяющие: 1) оценить воздействующий потенциал текста; 2) выявить его содержание. В первом случае речь идет о свободном ассоциативном эксперименте, основное значение которого заключается в возможности как количественной, так и качественной оценки текста в силу его направленности на раскрытие смысловых отношений, определяющих выделяемые в ходе исследования понятия. Не менее действенной может оказаться и методика семантического дифференциала, в результате чего возможно получить точные координаты данных текстов в семантическом пространстве. Что касается анализа содержания, то здесь результативной должна быть методика выделения ключевых слов, позволяющая эксплицитно показать сдвиг в смысловом поле реципиентов, т.е. переход от знания к убеждению, произошедший в результате целенаправленного воздействия на сознание массового адресата.

Фундаментальной в анализируемом аспекте представляется и проблема селективности восприятия – проблема восприятия одних и тех же текстов разными группами реципиентов, т.е. группами, объединяемыми по признаку степени развития языковой личности, где вполне применимы методики, разработанные в семиосоциопсихологии /социопсихолингвистике, позволяющие выявлять специфику интерпретации намерения автора текста и саму программу задаваемой им деятельности коллективным адресатом [Дридзе 1984, 1996].

В целом очевидно, что исследование речевой агрессии в публичном дипломатическом дискурсе требует комплексного подхода, однако необходимость изучения этого феномена в психолингвистической парадигме,

на наш взгляд, сомнений не вызывает.

Дискуссия

Психолингвистический подход к анализу феномена речевой агрессии в публичной дипломатической коммуникации, как мы попытались доказать, является одним из наиболее коррелирующих с задачами, реализуемыми в данной научной области. Тем не менее, в современной науке такие исследования не могут быть ограничены только рамками одного направления, даже, казалось бы, полностью удовлетворяющего поставленным целям. Интегративность, доминирующая сегодня в науке о языке, требует объединения исследовательских методик, что позволяет решать самые сложные задачи, связанные с описанием и анализом новых явлений, непосредственно касающихся практической деятельности. Это замечание полностью относится и к речевой агрессии, в изучении которой, как нам представляется, весьма актуальными являются методы, используемые в иных лингвистических направлениях.

Речь идет, прежде всего, о дискурсивно-историческом подходе, где «дискурс определяют как серию “контекстно-зависимых семиотических практик”, а также как “социально конституированный и социально конституирующий”, “связанный с макро-темой” и “плюро-перспективный”, то есть связанный с аргументацией» [Водак 2018: 113] процесс. Особый интерес, с точки зрения нашей работы представляет алгоритм предлагаемого в дискурсивно-историческом подходе анализа, который, по нашему мнению, вполне применим к речевой агрессии в дипломатии и касается ее тематического аспекта, выделения дискурс-тем, анализа жанров, а также фиксации топосов – стратегий аргументации, тех стимулов, которые, с одной стороны, указывают как и где искать аргументы, с другой – предписывают и гарантируют переход от аргумента к выводу.

Не вызывает сомнений то, что существуют и множество иных современных лингвистических направлений, чьи методы не только могут быть использованы в изучении феномена речевой агрессии в публичной дипломатии, но и показать свою высокую эффективность, однако их выделение и апробация на практике – это дело дальнейшей работы, выходящей за рамки поставленных в данной статье целей.

Заключение

Кратко суммируя все вышесказанное, еще раз подчеркнем следующее.

С позиции общепсихологической теории деятельности общение является одним из ее видов, выступая либо как самостоятельная, либо как компонент иной, некоммуникативной деятельности. Понимание общения как деятельности предполагает: 1) его целенаправленность, определяемую мотивами; 2) наличие

результата, в той или иной степени совпадающего с запланированным; 3) социальный контроль, обусловленный определенными социальными нормами.

Не менее важно, что, в отличие от коммуникации, общение как **обмен идеями и мнениями** является необходимым компонентом **акта взаимодействия**, организованного в соответствии с правилами, закрепленными в социуме, в том числе и в международном масштабе [выделено нами – И.Б.].

В настоящее время мы являемся свидетелями радикальных перемен в сфере общения, непосредственно затронувших такую консервативную область, как дипломатия, по крайней мере ее публичную составляющую. Данная тенденция проявляется в том, что публичная дипломатия начинает сводиться к набору агрессивных высказываний, рассчитанных не на профессионалов, а на массовую аудиторию, а умение дипломата работать на публику часто оказывается более важным, чем сами дипломатические контакты.

Анализ характерных для XXI века форм публичного дипломатического дискурса, и, прежде всего, анализ феномена речевой агрессии, представляет значительный интерес как в теоретическом, так и в практическом плане, причем исследования в рамках психолингвистики/социопсихолингвистики в данной ситуации могут сыграть значительную роль не только в изучении поверхностной структуры речевых произведений дипломатических служащих, но и в раскрытии их внутренней основы, в частности, в выявлении мотивов и целей деятельности, в объяснении скрытого содержания речей, которое обусловлено изменениями на глобальном уровне, непосредственно определяющими и мировую политику, базовые отношения между государствами.

© Бубнова И.А., 2021

Литература

Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. АН СССР, Ин-т психолог. М.: Наука, 1977. 272 с.

Апресян В.Ю. ИмPLICITная агрессия в языке. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Флинта-Наука, 2003. С. 32–35.

Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. 384 с.

Афанасьев В.С., Гилинский Я.И. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб.: Ин-т социологии РАН. 1995. С. 7–25.

Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-

ЕВРОЗНАК, 2001. 512 с.

Бубнова И.А., Терентий Л.М. Дипломатический дискурс в психолингвистическом аспекте. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 68–75.

Буева Л.П. Социальная среда и сознание личности. М.: МГУ, 1968. 271 с.

Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб: Питер, 2001. 352 с.

Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2018. 404 с.

Воронцова Т.А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 83–86.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2004. 1136 с.

Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов. Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 110–123.

Головина Н.М. Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе. Вопросы психолингвистики 3 (41). 2019. С. 200–215. DOI 10.30982/2077-5911-2019-41-3-200-215

Дридзе Т.М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность. Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 145–152.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984. 232 с.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социальный этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.

Киреев Г.Н. Социальное насилие. М.: Прометей, 2005. 316 с.

Клейберг Ю.А. Типология деструктивного поведения. Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. С.130–135.

Кречмер Э. Строение тела и характер. М.: Академический проект, 2015. 602 с.

Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб.: Изд-во РНБ, 2000. 176 с.

Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2007. 365 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во «Мысль», 1965. 574 с.

Лоренц К. Агрессия, или так называемое зло. Пер. с нем. М.: АСТ, 2017. 347 с.

Лысак И.В. Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека

как социокультурный феномен. Таганрог: ТРТУ, 1999. 55 с.

Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2009. 336 с.

Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, и др.; науч. ред. З. В. Коганова. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 880 с.

Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Наука, 1997. 354 с.

Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия. Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: «Колледж», 2003. С. 112–120.

Сорокин П. А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004; 6: 112–119.

Стризов А.Л. Политика и общество: социально-философские аспекты взаимодействия. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. 340 с.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 635 с.

Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003. 859 с.

Bach G.R., & Goldberg H. Creative aggression. New York: Doubleday, 1974.

Bandura A. Aggression: A social learning analysis. Englewood Cliffs, N.J.: Prentis Hall, 1973.

Bandura A., Underwood B., & Fromson M.E. Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 1975. № 9 (4). P. 252–269.

Berkowitz L. On the formation and regulation of anger and aggression: A cognitive-neoassociationistic analysis. *American Psychologist*, 1990. № 45. P. 494–503.

Carlson M., Marcus-Newhall A., & Miller N. Effects of situational aggression cues: a quantitative review. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990. №58 (4). P. 622–633.

Carver C.S., Ganelle R.J., Froming W.J., & Chambers W. Modeling: An analysis of terms of category accessibility. *Journal of Experimental Social Psychology*, 1983. № 19. P. 403–421.

Freud S. A general Introduction to Psychoanalysis. New York, Boni and Liveright Publishers, 1920.

Hegel G.W.F. Werker. Berlin, 1840. Bd. IX.

Liebert R.M., & Sprafkin J. The early window: Effects of television on children and youth, 3rd ed. New York: Pergamon, 1988.

Miller S.J., Dinitz S., & Conrad J.P. Careers of the violent. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1982.

Taylor S.L., O'Neal E.C., Langley T., & Butcher A.H. Anger arousal,

deindividuation, and aggression. *Aggressive Behavior*. 1991. № 17. P. 183–206.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08.09.2021

Дата принятия к печати: 12.12.2021

Сведения об авторе:

Бубнова Ирина Александровна – заведующий кафедрой зарубежной филологии ГАОУ ВО МГПУ, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор

Контактная информация:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, дом 4

ORCID: 0000-0002-1024-600X

email: aribubnova@gmail.com

Для цитирования:

Бубнова И.А. Психолингвистический подход к исследованию агрессии как специфической формы речевого общения в публичной дипломатии // Вопросы психолингвистики № 4(50) 2021, С.38–55. doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55

UDC 81'(23+27)

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55

**PSYCHOLINGUISTIC APPROACH TO THE STUDY OF AGGRESSION
AS A SPECIFIC FORM OF SPEECH COMMUNICATION IN PUBLIC
DIPLOMACY**

Irina A. Bubnova

Moscow City University

Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the article is to substantiate the application of the psycholinguistic approach in the research of *speech aggression* in public diplomacy of the XXI century – a phenomenon that remains practically out of focus in linguistics. The study of this phenomenon is defined to be currently one of the most urgent tasks. Based on the methodological principles of the general psychological theory of activity, the author

defines speech aggression as a specific subtype of communication aimed at misaligning social activity between people connected in a certain way psychologically. It is proved that the meaning of speech aggression as a completely new phenomenon in diplomatic discourse, which is manifested in the external characteristics of speech, is determined by the hidden leading motives of the speakers' activities based on a new universal ideology that reflects the general situation in the world and the trends of its development. The potential of psycholinguistic methods is analyzed that allows the following: 1) to identify the internal content of aggressive texts, and their coordinates in the semantic space; 2) to assess the depth of the impact on the consciousness of the addressee, first of all, the consciousness of ordinary people, the specifics of interpretations of the authors' intentions and the program of activity set by the texts by different groups of recipients. The possibility of applying complex methods to study speech aggression in public diplomatic discourse, including both purely psycholinguistic and the methods used in other areas of linguistics, is discussed. It is demonstrated that the psycholinguistic approach in the study of speech aggression in diplomacy allows solving several problems related to the disclosure of mechanisms for controlling mass consciousness on a global scale.

Keywords: psycholinguistic approach, speech aggression, diplomatic discourse of the XXI century, motives, meaning of aggression, new ideology, research methods

References

Afanasyev, V.S. (1995) *Deviantnoe povedenie i social'nyj kontrol' v usloviyah krizisa rossijskogo obshchestva* [Deviant behavior and social control in the crisis of Russian society]. Saint Petersburg, Institut sotsiologii RAN Publ., 7–25 (In Russian).

Ananiev, B.G. (1977) *O problemah sovremennogo chelovekoznaniya* [On the problems of modern human knowledge]. Moscow, Nauka Publ., 272 p. (In Russian).

Apresyan, V.Y. (2003) *Implicitnaya agressiya v yazyke* [Implicit aggression in language]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Moscow, Flint-Nauka Publ., pp. 32–35 (In Russian).

Aristotle (2000) *Ritorika. Poetika* [Rhetoric. Poetics]. Moscow, Labyrinth Publ. 384 p. (In Russian).

Bach, G.R., & Goldberg, H. (1974) *Creative aggression*. New York: Doubleday.

Bandura, A. (1973) *Aggression: A social learning analysis*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentis Hall.

Bandura, A., Underwood, B., & Fromson, M.E. (1975) Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims. *Journal of Research in Personality*, 9 (4), 252–269.

Baron, R., Richardson, D. (2001) *Agressiya* [Aggression]. Saint Petersburg, Piter Publ. 352 p. (In Russian).

Berkowitz, L. (2001) *Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol'* [Aggression: causes, consequences, and control]. Saint Petersburg, Prime- EVROZNAK Publ. 512 p. (In Russian).

Berkowitz, L. (1990) On the formation and regulation of anger and aggression: A cognitive-neoassociationistic analysis. *American Psychologist*, 45, 494–503.

Bubnova, I.A., Terentiy, L.M. (2012) Diplomaticeskij diskurs v psiholingvisticheskom aspekte [Diplomatic discourse in the psycholinguistic aspect]. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. (1), 68–75 (In Russian).

Bueva, L.P. (1968) *Social'naya sreda i soznanie lichnosti* [Social environment and consciousness of personality]. Moscow, MGU Publ. 271 p. (In Russian).

Carlson, M., Marcus-Newhall, A., & Miller, N. (1990) Effects of situational aggression cues: a quantitative review. *Journal of Personality and Social Psychology*, 58 (4), 622–633.

Carver, C.S., Ganellen, R.J., Froming, W.J., & Chambers, W. (1983) Modeling: An analysis of terms of category accessibility. *Journal of Experimental Social Psychology*, 19, 403–421.

Dridze, T.M. (1996) Social'naya kommunikaciya kak tekstovaya deyatel'nost' [Social communication as a text activity]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. (3), 145–152. (In Russian).

Dridze, T.M. (1984) *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture social'noj kommunikacii* [Textual activity in the structure of social communication]. Moscow, Nauka Publ. 232 p. (In Russian).

Durkheim, E. (1994) *Samoubijstvo: Social'nyj etjud* [Suicide: Social etude]. Moscow, Mysl Publ. 399 p. (In Russian).

Freud, S. (1920) *A general Introduction to Psychoanalysis*. New York, Boni and Liveright Publishers.

Fromm, E. (1994) *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, Respublika Publ. 635 p. (In Russian).

Golev, N.D. (2002) Pravovoe regulirovanie rechevyh konfliktov i yurilingvisticheskaya ekspertiza konfliktogennyh tekstov [Legal regulation of speech conflicts and legalistic examination of conflictogenic texts] *Pravovaya reforma v Rossijskoj Federacii: obshcheteoreticheskie i istoricheskie aspekty*. Barnaul, Izdatel'stvo AGU. 110–123 (In Russian).

Golovina, N.M. (2019) Parlamentskie “neparlamentskie vyrazheniya”: rechevaya agressiya kak ritoricheskaya strategiya v parlamentskom diskurse. [Parliamentary “non-parliamentary expressions”: speech aggression as a rhetorical strategy in parliamentary discourse]. *Journal of Psycholinguistics*, 3 (41), 200–215 (In Russian).

Heckhausen, H. (2003) *Motivaciya i deyatel'nost'* [Motivation and activity]. Saint Petersburg, Piter Publ.; Moscow, Smysl Publ. 859 p. (In Russian).

Hegel, G.W.F. (1840) *Werker*. Berlin. Bd. IX.

Kireev, G.N. (2005) *Social'noe nasilie* [Social violence]. Moscow, Prometey Publ. 316 p. (In Russian).

Kleiberg, Yu.A. (2008) Tipologiya destruktivnogo povedeniya. [Typology of destructive behavior]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 130–135 (In Russian).

Kretschmer, E. (2015) *Stroenie tela i harakter* [Structure of the body and character]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. 602 p. (In Russ.).

Kugai, A.I. (2000) *Nasilie v kontekste sovremennoj kul'tury* [Violence in the context of modern culture]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo RNB. 176 p. (In Russian).

Leontiev, A.A. (2007) *Psihologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. Moscow, Smysl Publ.; Izdatelsky Tsentр «Academy». 365 p. (In Russian).

Leontiev, A.N. (1965) *Problemy razvitiya psihiki* [Problems of development of the psyche]. Moscow, Mysl Publ. 574 p. (In Russian).

Liebert, R.M., & Sprafkin J. (1988) *The early window: Effects of television on children and youth*, 3rd ed. New York, Pergamon.

Lorenz, K. (2017) *Agressiya, ili tak nazyvaemoe zlo* [Aggression, or the so-called evil]. Moscow, AST Publ. 347 p. (In Russian).

Lysak, I.V. (1999) *Chelovek – razrushitel': destruktivnaya deyatel'nost' cheloveka kak sociokul'turnyj fenomen* [Man is a destroyer: destructive human activity as a socio-cultural phenomenon]. Taganrog, Izdatel'stvo TRTU. 55 p. (In Russian).

Marcuse, G. (2009) *Odnomernyj chelovek* [One-dimensional man]. Moscow, AST Publ. 336 p. (In Russian).

Merton, R.K. (2006) *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social theory and social structure. Translated from English by E.N. Egorova, et al.; ed. by Z.V. Kogan. Moscow, AST, Guardian Publ. (In Russian).

Miller, S.J., Dinitz, S., & Conrad, J.P. (1982) *Careers of the violent*. Lexington, Mass., Lexington Books.

Rubinstein, S.L. (1997) *Principy i puti razvitiya psihologii* [Principles and ways of development of psychology]. Moscow, Nauka Publ. 354 p. (In Russian).

Sedov, K. F. (2000) *Agressiya kak vid rechevogo vozdeystviya. Pryamaya i nepryamaya kommunikaciya* [Aggression as a type of speech impact. Direct and indirect communication]. Saratov, Kolledzh Publ, pp. 112–120 (In Russian).

Sorokin, P.A., Merton, R.K. (2004) Social'noe vremya: opyt metodologicheskogo i funkcional'nogo analiza [Social time: experience of methodological and functional analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 6, 112–119 (In Russian).

Strizoe, A.L. (1999) *Politika i obshchestvo: social'no-filosofskie aspekty vzaimodejstviya* [Politics and society: socio-philosophical aspects of interaction]. Volgograd, Volgograd State University Publishing House. 340 p. (In Russian).

Taylor, S.L., O'Neal, E.C., Langley, T., & Butcher, A.H. (1991) Anger arousal, deindividuation, and aggression. *Aggressive Behavior*, 17, 183–206.

Vodak, R. (2018) *Politika straha. Chto znachit diskurs pravyyh populistov?* [Politics of fear. What does the discourse of right-wing populists mean?] Kharkov, Gumanitary Tsentri Publ. 404 p. (In Russian).

Vorontsova, T.A. (2006) Rechevaya agressiya v kommunikativno-diskursivnoj paradigme [Speech aggression in the communicative-discursive paradigm]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 83–86. (In Russian).

Vygotsky, L.S. (2004) *Istoriya razvitiya vysshih psichicheskikh funkcij* [History of the development of higher mental functions]. Moscow, Smysl Publ.; Eksmo Publ. 1136 p. (In Russian).

© **Bubnova I.A., 2021**

Article history:

Received: 08.09.2021

Accepted: 12.12.2021

Bionotes:

Irina A. Bubnova – Professor, Doctor of Philology (Dr. habil.), Ph. D. in Psychology, Head of Foreign Philology Chair, Moscow City University, Moscow

Contact information:

2-nd Sel'skohozyajstvennyj proezd, 4, Moscow, Russian Federation, 129226

ORCID: 0000-0002-1024-600X

email: aribubnova@gmail.com

For citation:

Bubnova I.A. (2021) Psycholinguistic approach to the study of aggression as a specific form of speech communication in public diplomacy. *Journal of Psycholinguistics*. 4(50), pp.38–55. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-50-4-38-55 (in Russian)